

Цзи Ушуан чуть ли не выбежал из покоев.

Ли Дэцюань семенил следом, едва успевая переводя дыхание. Придворные по обе стороны дворцовой дорожки попадали на колени, никто не смел поднять взгляд на лицо Императора.

Это лицо было холоднее клинка.

Внутри же во Дворце Чанмин царила жуткая тишина.

Когда Цзи Ушуан переступил порог, Се Чанфэн как раз держал в обеих руках фарфоровую пиалу и, опустив голову, сосредоточенно пил суп.

Он пил очень медленно, слегка хмурясь.

Это лекарственное блюдо имело странный вкус — одновременно горькое и ледяное, словно в куриный бульон добавили талой воды.

Но во дворецких правилах было множество тонкостей: если он не выпьет, кто-нибудь снова начнет болтать, будто он не притворяется дурачком.

Увидев эту сцену, Цзи Ушуан почувствовал, как на виске вздулась жилка.

— Поставь.

Се Чанфэн от его голоса испуганно вздрогнул, и фарфоровая ложечка звякнула о край пиалы.

Он поднял голову, растерянно моргая:

— Супчик...

Цзи Ушуан в несколько шагов оказался рядом и просто отобрал пиалу.

Се Чанфэн посмотрел на опустевшие руки, и у него на душе заскребли кошки.

Что это тиран удумал?

Даже суп отнимает?

Коленопреклоненная неподалеку дворцовая служанка вдруг издала глухой стон.

Она изначально лежала ничком, но ее тело забилося в судорогах, а из семи отверстий на лице медленно сочилась черная кровь. Несколько евнухов в ужасе отпрянули назад, опрокинув столик с едой.

Ли Дэцюань побелел как полотно:

— Скорее позовите врачей!

Врачи прибыли быстро. Серебряная игла, опущенная в суп, мгновенно покрылась слоем белого инея.

Главный врач опустился на колени, его голос упал до предела:

— Ваше Величество, этот яд называется северный ледяной гу. Он не убивает мгновенно при попадании в горло, но разъедает внутренние органы. Если принимать его три дня подряд, холод проникнет в самые кости, и тогда не спасет даже сам небожитель.

Се Чанфэн расслышал слово яд.

Он медленно опустил взгляд на собственный живот.

Он только что сделал два глотка.

Но он не чувствовал себя плохо, ему просто показалось, что суп невкусный.

Неужели он снова родился в рубашке?

Цзи Ушуан уставился на пиалу, и перед его глазами всплыли строчки.

[Запустить симуляцию?]

Он мысленно холодно ответил согласием.

[День первый: вы казнили лишь отравившую служанку, не став проводить глубокое расследование.]

[День третий: убийца проникает во Дворец Чанмин по бирже Палаты царской еды.]

[Се Чанфэн пугается, жилы земли приходят в движение.]

[В окрестностях столицы происходит землетрясение, бесчисленные жертвы.]

[День шестой: по столице ползут слухи, что Защитник Государства приносит несчастья, удельные князья поднимают мятеж.]

[Вы погибаете в хаосе междоусобной войны.]

Цзи Ушуан прикрыл глаза.

Проявишь мягкотелость — и снова смерть.

Когда он открыл глаза, все служанки в тронном зале уткнулись лбами в пол еще ниже.

— Перекрыть все шесть дворцов, — приказал Цзи Ушуан. — Ни один из тех, кто дежурил в Палате царской еды, Ведомстве евнухов и Дворце Чанмин, не смеет пропасть. Допросите всех, кто сегодня имел отношение к вечерней трапезе. Если не выясните правду, никому не удастся поспать.

Ли Дэцюань немедленно принял приказ.

Главный лекарь осторожно произнес:

— Ваше Величество, Защитник Государства уже выпил отравленный суп, нам необходимо проверить его пульс.

Стоило Се Чанфэну услышать про пульс, как он тут же вжался в угол кушетки.

Нельзя давать щупать пульс.

Он с детства боялся, что лекари поймут: он вовсе не глуп.

Заметив его движение, Цзи Ушуан поднял руку, останавливая лекаря:

— Опрашивайте с расстояния в три шага. Сначала сварите противоядие, к нему прикасаться нельзя.

Главный лекарь на мгновение растерялся, но поспешно ответил:

— Подчиняюсь воле императора!

Се Чанфэн прижимал к груди мягкую подушку, а на сердце у него было еще тревожнее.

Почему этот тиран даже лекарям не позволяет приближаться к нему?

Этот человек боится, что он умрет, или боится, что тот раскроет его обман?

Цзи Ушуан лично допрашивал людей прямо в зале.

Главный повар Палаты царской еды потел так, будто выбежал из бани:

— Ваше Величество, вечерняя трапеза прошла через тройную проверку на яд, этот ничтожный раб ни за что не посмел бы проявить халатность!

Ли Дэцюань на лету листал бухгалтерские книги:

— Сегодня добавилась пиала супа из пантов оленя с курицей, кто ее приказал подать?

Лицо главного повара переменялось:

— Это... это рецепт, присланный из Дворца Шоуань, там сказали, что у Защитника Государства слабое здоровье и ему требуется укрепляющее питание.

Цзи Ушуан поднял взгляд:

— Кто прислал его из Дворца Шоуань?

Когда в зал приволокли маленького евнуха, его ноги уже не держали.

Он только собрался взмолиться о невинности, как императорская гвардия обнаружила в тайном кармане на его обуви маленькую записку. На ней не было подписи, была лишь нарисована ветка магнолии — любимый цветок рода Сяо.

Ли Дэцюань тихо произнес:

— Ваше Величество, это родовой знак клана Сяо.

Ближе к середине ночи Ведомство евнухов передало еще два тайных письма.

Послания исходили из покоев Сяо Ваньжоу, племянницы Вдовствующей императрицы, и были

адресованы в загородное поместье Резиденции регента. Содержание было туманным, но в них упоминалось, что «ледяной гу уже добавлен в еду» и что «если Защитник Государства заболит, во дворце неизбежно начнется смута».

Дочитав письма, Цзи Ушуан с такой силой сжал пальцы, что они побелели.

Сяо Ваньжоу была родной племянницей Вдовствующей императрицы, провела во дворце много лет и носила титул благородной супруги Жоу. Она всегда вела себя кротко и никогда не боролась за милость, но оказалось, что она просто глубоко всё скрывала.

Нянька Цинь из дворца Вдовствующей императрицы опустилась на колени, ее лицо было бледно как полотно:

— Ваше Величество, Вдовствующая императрица ничего не знала об этом. Супруга Жоу просто беспокоилась о здоровье Защитника Государства, а в рецепте вовсе не обязательно был яд.

Цзи Ушуан посмотрел на нее:

— Я спросил о яде, а ты отвечаешь мне про рецепт. Похоже, тебе известно многое.

Губы няньки Цинь задрожали.

Цзи Ушуан не дал ей второго шанса:

— Забить палками причастных евнухов. Сяо Ваньжоу лишить титула и заточить во внутренних покоях. Дворец Шоуань с сегодняшнего дня закрыть, без моего приказа никого не впускать и не выпускать. Передать императорской гвардии: всю входящую и исходящую корреспонденцию из дворца Вдовствующей императрицы сначала доставлять к моим покоям.

В зале воцарилась мертвая тишина.

У Ли Дэцюаня сжалось сердце.

Это равносильно тому, чтобы сорвать маску с лица Вдовствующей императрицы и прилюдно втоптать Дворец Шоуань в грязь.

Нянька Цинь бросилась ничком на пол:

— Ваше Величество, Вдовствующая императрица — ваша матушка!

Цзи Ушуан наклонился к ней, и его голос прозвучал очень тихо:

— Когда я тяжело болел, вы ждали моей смерти. Теперь вы снова покушаетесь на Защитника Государства — вам кажется, что в этом дворце умирает слишком мало людей?

Нянька Цинь больше не смела произнести ни слова.

Снаружи посмертно раздались удары палок — один за другим, отчего у каждого на душе становилось жутко.

Се Чанфэн сидел в дальних покоях, и от услышанного у него по спине бежали мурашки.

Тиран и впрямь умел убивать.

Но на этот раз казненными, казалось, были лишь те, кто пытался навредить ему самому.

Он украдкой взглянул на переднюю половину зала.

Цзи Ушуан сидел при свете свечей, бледный, с неизбыточной хворью на губах. Но стоило ему заговорить, как вся Внутренняя стража была перевернута вверх дном.

Се Чанфэн вдруг почувствовал, что зажатая в руках мягкая подушка стала какой-то горячей.

Раньше он хотел лишь прятаться от Цзи Ушуана и держаться от этого тирана как можно дальше.

Но если бы этой ночью Цзи Ушуан не явился так вовремя, ту пиалу супа, возможно, заставили бы допить до конца.

Главный лекарь принес противоядие, поставив его на маленький столик в трех шагах:

— Защитник Государства, это лекарство смягчит действие ледяного яда.

Се Чанфэн уставился на пиалу, немного подумал и протянул руку, чтобы взять ее.

Горечь ударила в нос.

Он сделал глоток, и всё его лицо сморщилось:

— Горько.

Цзи Ушуан бросил на него взгляд и приказал Ли Дэцюаню:

— Принеси зачукабленные фрукты.

Ли Дэцюань остолбенел, но тут же бросился исполнять.

Се Чанфэн рассосал во рту цукаты, но на душе у него стало еще тревожнее.

Тиран даже уговаривает людей принимать лекарство.

Это и вовсе не к добру.

Ближе к рассвету результаты допросов легли на стол императора.

В покоях Сяо Ваньжоу обнаружили три тайных письма из Резиденции регента, а источник происхождения ледяного гу также указывал на лавку лекарств клана Сяо за пределами дворца. Цзи Ушуан тут же отдал приказ опечатать лавку и арестовать всех причастных, а всех замешанных слуг отправить в имперскую тюрьму Цзяоюй.

Ли Дэцюань доложил полушепотом:

— Ваше Величество, во Дворце Шоуань бьют посуду. Вдовствующая императрица говорит, что из-за какого-то наложника-мужчины вы проявили неуважение к родному клану, и вас неизбежно осудит весь мир.

Цзи Ушуан взял чашку с остывшим чаем, но пить не стал.

— Пусть мир сначала научится выживать, а уж потом у него появятся силы осуждать меня.

Его слова только затихли, как снаружи снова посмертно вошел евнух, обеими руками поддерживая докладную записку.

— Ваше Величество, регент Сяо Цзинхэн прислал записку с приветствием.

Цзи Ушуан взял ее, развернул, бросил беглый взгляд, и его зрачки потемнели.

В записке было написано более чем почтительно.

Регент Сяо Цзинхэн выражал желание прибыть в столицу, чтобы поздравить новопожалованного Защитника Государства.

<http://bllate.org/book/19343/1891456>